

Хосев Анатолий Алексеевич

«Я родился в Канаве, – рассказывает Анатолий Алексеевич. – Люди удивляются, а это была такая слобода на Нижней Террасе. Потом меня перевезли в Назайкино Тереньгульского района, потом – в Подкуровку. Отец пришёл с войны, когда мне было семь лет, в 1946 году. Он на Дальнем Востоке служил, участвовал в войне с Японией. В 1952 году они с матерью разошлись. Я с детства и косил, и пахал, и за дровами ездил на корове. Мать после родов работала на патронном заводе на Нижней Террасе. Ей надо было на работу к 12 часам. А она меня, младенца, качала-качала в зыбке и задремала. Прибегает на работу с опозданием, а за такое тогда два года лишения свободы давали. Она попыталась объяснить: так, мол, и так. Её начальник, мастер, сказал: «Я знаю, что у тебя ребёнок, всё понимаю. Пиши заявление вчерашним числом на увольнение, я подпишу. Будто ты сегодня пришла на работу, но уже не числишься». Так он спас её от тюрьмы. Она пришла домой, собрала вещи, и мы перебрались в Подкуровку».

В 1960-е Анатолий Хосев переехал в Ульяновск, работал в НИИ «Марс», но сердцем с деревней не расстался. Увлёкся краеведением, изучил историю родной деревни, свою родословную, записал воспоминания земляков.

История села – частица истории Родины

Предлагаем читателям ознакомиться с историческими эссе Анатолия Алексеевича Хосева, который родился в Ульяновске в 1939 году.

Из документов известно, что в 1680 году синбирнину Семёну Александрову Скугаревскому была пожалована «порозжая земля в Синбирском уезде (в двух верстах ниже Подкуровки)». Значит, в указанном году Подкуровка уже существовала. Можно предположить, что в 1675–1676 годах, одновременно с солдатами, основавшими село Солдатская Ташла, была выделена земля Григорию Подкурову, занимавшему более высокое положение в Синбирске, чем солдаты.

Заселение нашего края началось, главным образом, после разгрома войск Степана Разина под Симбирском.

Боярские дети, принимавшие участие в строительстве города Симбирска, посадские люди и солдаты Симбирского полка ходайствовали перед воеводой

о наделении их землей «за верную службу и долгое сидение в Симбирске». Получив разрешение, сами отыскивали себе землю «в диком поле», которая ни в поместье, ни в оброк ещё не была отдана. Назначался «отказчик» для отвода той земли и занесения поместья в «отводную книгу» в присутствии кого-либо из служилых людей (свидетелей).

При изобилии в то время свободной земли такой помещик обычно не ограничивался отведённым участком, а смело захватывал соседние. Главная приманка заключалась в плодородии здешней почвы – глубоко чернозёме, не тронутом плугом, в сенных покосах, в лесных угодьях, где водилось много дичи и пчёл. Сюда же стекались беглые крестьяне и осуждённые люди, не имевшие средств к существованию.

Подкуровка. 1959

Четыре дома

...Весна. Снег уже растаял. Только в оврагах и седловинах лежали снежные полосы, быстро растворяющиеся на солнце. По непросохшему тракту от Симбирска движется небольшой обоз. Впереди пароконный тарантас, плетённый из ивовых прутьев и обитый плотной тканью. Он нагружен мешками с зерном. На месте кучера сидит мужчина с небольшой окладистой бородой – Григорий Подкуров. Следом пара лошадей тянет телегу, гружённую мешками с всевозможной хозяйственной утварью. Ею управляет молодой тщедушный юноша – сын Григория. Они направляются в своё новое поместье, которое Григорий получил прошлой осенью «в диком поле за долгую и верную службу в Симбирске». Правда, осенью выяснилось, что его поместная земля оказалась не такая уж и «дикая». Там, между лесом и речкой, заросшей ветлами и ольхой, ютились в полуземлянках четыре семьи беглых крестьян. Они распахали небольшой участок земли вдоль леса, засеяли его рожью и просом. Тем и кормились. Но осенью вдруг заявили трое вооружённых людей. Это был Григорий Подкуров, его сослуживец Фёдор Костяев и подьячий Якушка Фролов. Крестьяне разбежались по кустам, но, видя, что чужаков всего трое, стали постепенно подходить – кто с вилами, кто с топором. Чувствуя, что дело принимает нежелательный оборот, Григорий поправил пистолет за пояс, положил руку на эфес сабли и шагнул навстречу крестьянам:

– Мужики, у нас к вам дело, – сказал он. – Хотели узнать, чьи вы и кому платите оброк?

– Ишь, чего захотел – оброк! А не хошь вилы в бок? – зло процедил здоровенный детина с большой рыжей бородой, подходя слева к Григорию с вилами наперевес.

– Да постой ты, Афонька! – сердито сказал невысокий коренастый мужик с седой бородой, державший топор в опущенной

руке. И добавил, обращаясь к Григорию: – Боярин, брось пистолет, тогда и поговорим.

Подкуров положил пистолет на землю и сделал несколько шагов в сторону говорившего. Тот подошёл ближе, не выпуская топора из рук. Остальные остановились.

– Не платим оброк, боярин, беглые мы, ничейные, – признался мужик.

– Облюбовал я эти земли в поместный оклад, – ответил Григорий. – Слышали о Государевом указе?

– Как не слышать? Слышал от людей Солдатской слободы, – ответил мужик. И, помолчав, печально добавил: – А нам тогда, барин, опять в бега?.. Или, может, возьмёшь нас под свою руку?

– Я и сам хотел вам это предложить. Вы, я вижу, мужики степные, – польстил Григорий крестьянам. – А в бегах долго не протянете.

– И то верно, – откликнулся кто-то из мужиков.

– Будем считать, что мы поладим, боярин? Берёшь нас под свою руку? – спросил Сенька.

– Я не возражаю, – ответил Григорий, – только все ли будут согласны?

– Это мы сейчас решим, – сказал Сенька и, резко повернувшись, пошёл к мужикам, стоявшим в отдалении.

Они о чём-то говорили, размахивая руками. Наконец Сенька возвратился к Подкурову.

– Согласны все, боярин. Принимай нас под свою руку.

Григорий и его спутники прошли вместе с мужиками к их жилищам. Это были довольно просторные полуземлянки, топившиеся по-чёрному. Из дверей выглядывали испуганные ребята. Около землянок, помимо небольших скотных дворов, плетённых из ветловых прутьев и обмазанных коровьим навозом, стояла телега, валялись корзины, пустые кадушки и всякая хозяйственная утварь.

Подьячий Якушка поднял одну из кадушек, поставил её вверх дном, подкатил к ней пенёк, на котором кололи дрова, и раз-

ложил свои письменные принадлежности, приготовившись переписывать крестьян. Сенька называл имена, а Якушка записывал...

По прибытии в Симбирск Якушка Фролов записал в «отводную книгу»: *«Григорию Никифорову, сыну Подкурову, отводится 60 четвертей земельных угодий в диком поле с лесами, санными покосами по обе стороны речки Ташолка, а на них деревня в четырёх дворах. В ней крестьяне: Сенька Кузьмин сын, у него дети – Тишка, 13 лет, да Тимошка, 15 лет; Афонька Савельев сын, у него сын Егорка, 7 лет; Антошка Иванов сын, у него дети – Данилка, 16 лет, да Кондрашка, 14 лет, да Вася, 9 лет; Савка Калмык, у него дети – Гераска, 18 лет, да Федька, 16 лет. Всего людей – 12 человек»*. Скрепил написанное подписью свидетеля Фёдора Костяева и своей, поставил печать. Отныне эта земля принадлежит Подкурову.

Осенью Григорий несколько раз наезжал в своё новое имение. Он отдал крестьянам купленную в Симбирске лошадь. Вместе с Сенькой Кузьминым выбрал место для дома. За зиму крестьяне обещали заготовить лес на строительство. И вот Григорий едет в своё поместье. Впервые он взял с собой своего больного чахоткой сына, помощника и наследника.

Миновали Солдатскую слободу, пересекли речку Ташолку и подъехали к месту. Полуголые детишки высыпали из лачуг и молча, держась на почтительном расстоянии, окружили приехавших. Григорий степенно слез с облучка. Его сын, прыгнув с телеги, сразу стал развязывать поклажу. Появился Сенька Кузьмин, на ходу застегивая свой зипун, показались и другие мужики и взрослые дети. Сняли шапки, поклонились хозяину.

– Добро пожаловать, боярин! Заждались мы тебя, – молвил Сенька.

– Скажи мужикам, пусть разгружают телеги, – после приветствия сказал Григорий. – Там рожь семенная, немного пшеницы, просо, полба. Распахите землю за дорогой, сколько сможете.

Да вот, пристяжных выпряги, это тоже вам в подмогу.

Сенька сначала онемел от такой щедрости, оправившись от неожиданности, только сказал:

– Благодарствуем, хозяин, – и упал на колени перед Григорием.

– Встань! – строго сказал Подкуров. – Не люблю я этого. А благодарность делом докажете.

– Докажем, батюшка, докажем, – вставая, повторял Сенька. – Да на лошадах-то... Да мы...

– А там ещё сошники железные, – перебил его Григорий, – да и подарки тебе и мужикам тоже. Пойдём.

Они подошли к тарантасу, Григорий достал из-под облучка свёрток, тут же развернул холстину перед Сенькой. Там оказались кованые железные сошники, долота, буравы, наструги, скобёлки, тёсла, топоры, новейшая двуручная пила и много других вещей, необходимых для ведения хозяйства.

Когда радостное возбуждение среди мужиков улеглось, Григорий и Сенька пошли осматривать заготовленный за зиму лес. На высоком косогоре левого берега речки, где они ещё прошлой осенью решили строить дом Подкурова, были приготовлены сосновые бревна, жерди, тес. Материалы понравились Григорию, он похвалил Сеньку за усердие и добавил:

– А вон там, в устье овражка, стройте себе хорошие дома. Нечего прятаться за речкой.

Так и порешили.

И зазвенели топоры над Ташолкой. И поднялся на крутом косогоре боярский дом, крытый соломенными перевяслами да дубовыми перемётами, обнесённый высоким забором. А рядом, в устье овражка, один за другим поднялись первые четыре дома новой деревеньки – Подкуровки. Впоследствии, когда Подкуровка застроилась к северу от господского дома, эти четыре дома назывались в местном просторечии Репьи.

Так это было или иначе – теперь одному Богу известно. А Подкуровка до сих пор стоит.

Андрейка Хось

О возникновении фамилии Хосев в деревне Подкуровка Симбирской губернии говорили по-разному. Некоторые сказывали, что в деревне жил испанец по имени Хосе, а его дети стали именоваться Хосевы. Но мои тётки рассказывали (их у меня было семь): прадед Андрей имел в деревне прозвище Андрейка Хось – от него и пошла наша фамилия. А было примерно так...

Подкуровский крестьянин Леон Ермаков служил главным винокуром на винокурённом заводе помещика Похвистнева. Завод располагался за речкой, за мельничным прудом. Для стабильной работы и исправления каких-то неполадок Леону приходилось выходить на работу в любое время дня и ночи, независимо от состояния погоды. Леон попросил разрешения у хозяина перенести свой дом из Подкуровки на новое место, к югу от завода, на прилегающие территории. Получив разрешение, они вместе с братом Маркелом перенесли свои дома на пустующие земли, тем и положили начало новому поселению, названному Леоновский хутор. Однажды ближе к вечеру Леон возвращался домой от хозяина, где давал отчёт о работе винокурённого завода. Перейдя мельничную плотину на речке Ташолка, когда затих шум подающей воды, он услышал мелодию, остановился и прислушался, откуда исходит музыка, и, определив, повернул в ту сторону. В отдалённом конце пруда на наклонившейся над водой ветле сидел паренёк лет девяти-десяти и играл на балалайке. Леон замер. Мелодия лилась будто отовсюду. Она то взлетала жаворонком в небеса и там жалобно трепетала, то вдруг коршуном падала вниз и там журчала лесным ручейком, то плавно растекалась весенним разливом, то волновалась степным ковылём, то вдруг улетала куда-то вдаль, теряясь и слабея, то неожиданно расцветала озорной удалью и весёлым задором, и казалось, что мелодия исходит от самой природы, что это реч-

ка, лес и небеса издают волшебные звуки. Леон как-то неуклюже повернулся, сухая ветка треснула под ногой, и музыка неожиданно оборвалась. Паренёк спрыгнул с ветки, озираясь по сторонам. Увидев Леона, мирно стоявшего неподалёку, успокоился и шагнул вперёд.

– Хорошо играешь, сынок. Ты чей будешь? Что-то я тебя раньше не видел в деревне, – поинтересовался Леон.

Паренёк потупил глаза, глядя на свою балалайку, будто видел её первый раз, и ответил:

– Тяткин.

– Это фамилия твоя – Тяткин?

– Какая ищю фамилия? Я и тяткин, и мамкин, а теперь их нет, умерли они от лихоманки, я совсем ничей, – хмуро ответил он, утирая слёзы.

Леон знал, что по России бродит эпидемия холеры (лихоманка), собирая свои жертвы по деревням и сёлам. Сказывали, что в некоторых сёлах вымерло почти всё население.

– Ну, ладно, не плачь, пойдём со мной. Есть, наверное, хочешь, – сказал Леон.

– Хочу-у-у...

И, чувствуя доброжелательное к себе отношение, паренёк ткнулся лицом Леону в живот. Тот погладил его по голове и спросил:

– Как тебя звать-то?

– Андрейка.

– А как маманька тятку называла, помнишь?

– Натолый.

– А как тятка мамку называл?

– Тоняша.

Так с расспросами они дошли до дома Леона.

После ужина выяснилось, что Андрейка жил с отцом, матерью и двумя младшими сёстрами в деревне. Потом пришла лихоманка, люди умирали один за другим. Отец испугался за детей и решил уехать из деревни, но лихоманка увязалась за ними, и по дороге умерли сначала сёстры, потом маманька, а совсем недавно – тятка. В наследство досталась Андрею балалайка, играть на которой научил отец. С ней паренёк ходил от села к селу, про-

Семья Хосевых. 1970

Чай весь высыпал в горшок,
На приправу – перцу, луку
И петрушки корешок,
Э-э-эх, и петрушки корешок!
Чай мой вышел в объеденье,
Раза два прокипятил,
А потом для воскрашенья
Сверху маслица подлил,
Э-э-эх, сверху маслица

подлил.

И опять проигрыш, а потом продолжал рассказывать, как его барин похвалил, обещал дать в награду пять копеек, но вдруг:

Слышу – барин расходился,
Меня в горницу позвал,
В волоса мои вцепился
И таскал меня, таскал,
Э-э-эх, и таскал меня, таскал!

При этом его балалайка издавала жалобные плачевные звуки, а он продолжал:

Долго думал, я старался,
Чем же мог не угодить?
А потом лишь догадался,
Что забыл я посолить!

Сделав небольшой проигрыш, Андрияша резко обрывал игру, прижав струны рукой.

Так в труде, веселье и повседневных заботах о хлебе насущном выросл Андрияша по прозвищу Хось, привыкая к тяжёлому крестьянскому труду.

Часто бывая на посиделках, он стал заглядываться на девушку Нюру – так звали её деревенские, а он звал более ласково – Нюша. Да и она не чуралась его внимания. Пришло время засылать сватов, а где взять их сироте? И опять обратился он к дяде Леону за советом. Леон вызвался быть сватом и посажёным отцом, а свадьбу провести в его же доме. Так и порешили. После скромной свадьбы Андрей стал жить в доме отца жены, в примаках. Через некоторое время с помощью тестя и сельской общины построил себе небольшой дом на южной окраине Леоновского посёлка, за ручьём. В этом доме у них родились трое детей: две дочери и сын Василий. При крещении в Подкуровском храме в метрической книге было записано: «Родители: отец... крестьянин Андрей Хось, его законная жена Анна. Новорождённый Василий, сын Хося – Василий Хосев».

ся милостыню, развлекая и веселя людей. Сюда же он пришёл несколько дней назад.

Жена Леона, Анна, постелила ему на лавке. Андрейка поблагодарил Леона и его хозяйку за ужин, лёг на лавку и моментально заснул. Утром, как обычно, Леон встал рано и, стараясь не шуметь, вышел во двор. Не прошло и пяти минут, как туда же вышел Андрейка со словами:

– Дядя Леон, давайте я вам помогу что-нибудь делать. Я парень не хось-вось – всё умею: и лошадь запрягать, и за скотиной ухаживать.

– Ну раз не хось-вось, тогда для начала уберись в овчарне, – шутя ответил Леон. – Инструменты в углу.

– Я мигом, – на ходу ответил Андрейка.

Леон его работой остался доволен. За завтраком Анна, глядя, как Андрейка управляет с едой, поинтересовалась:

– А теперь ты куда, Андрияша?

– Не знаю, дальше пойду куда-нибудь.

– А у нас погостить не хочешь? – угадывая мысли жены, спросил Леон.

Так и остался Андрейка в Подкуровке у приютившего его бездетного Леона Ермакова, помогая ему по хозяйству. В те далёкие времена в деревнях и сёлах был обычай: если по каким-то причинам появлялся ребёнок-сирота, его брали на воспитание родственники. Если же не

было таковых, то сироту воспитывало общество, и он проживал по очереди в каждой семье. Время проживания определял сельский староста, исходя из благосостояния крестьянина. Там сироту кормили, выделяли поношенную одежду, обувь. Вместе с крестьянскими детьми он выполнял посильную работу. Такая участь постигла и Андрейку. Прожив зиму у Ермаковых, он при содействии старосты переходил от двора к двору. Порученную хозяевами работу выполнял с охотой и особым усердием, приговаривая: «Я парень не хось-вось, я всё умею». За что и получил прозвище Хось. Андрейка Хось. Действительно, он умел делать всё для своего возраста, а что не умел, то схватывал на лету.

Иногда сельчане приглашали его поиграть на свадьбах, на крестинах или просто так послушать его игру и весёлые припевки, которых он знал великое множество. Особенно всем нравилась песня повара про чай. Обычно на посиделках кто-нибудь спросит: «Андрияша, что-то чаю захотелось, сделай-ка нам покрепче». Он, конечно, немного поломаётся, скажет, что только вчера играл, но всё равно начинёт:

Раз прислал мне барин чаю
И велел его сварить,
А я от роду не знаю,
Как проклятый чай варить,
Э-э-эх, как мне этот чай
варить!

Взял я всё на скорую руку,

Опойцы

В старину в Симбирской губернии существовало поверье, что человек, умерший «неправильной» смертью (самоубийца, утопленник, опойца – погибший от чрезмерного пьянства), не достоин захоронения на сельском кладбище в пределах ограды. Таких людей по решению церковной и сельской администрации хоронили на отдельных кладбищах, называемых в разных краях по-разному: где – скудельницы, где – божедомы. Считалось, что людей, не доживших свой век, данный им Богом, мать сыра земля не примет в свои недра, выразив свой гнев весенними холодами, проливными дождями или сильнейшей засухой, и это повлечёт за собой неурожайный год, который грозит крестьянам голодом, болезнями, большой смертностью и падежом скота. Крестьяне верили: чтобы не случилось засухи, надо найти опойцу, тайно вырыть его из земли и отвезти в специально отведённое для этого место, там бросить его в болото или оставить в сыром овраге, закидав ветками или укрыв рогожами. Такое поверье было и у крестьян села Назайкино Тереньгульского района. Свидетельство тому – отдалённая окрестность села, называемая Опойцы. Это довольно большая округа леса, луга, пашни, в центре которой – небольшое топкое болото. Если в эту трясику бросить тяжёлый предмет (пень, бревно), то через некоторое время он утонет. Рассказывают, однажды туда каким-то образом попал огромный силач Трофим, горький пьяница. Он так и не смог выбраться – утонул. Лишь нога и поллаптя долго торчали из болота. Когда жители села ходили в эти места по грибы или по ягоды, то пугали друг друга, особенно детей, говоря: «Не подходи близко, а то Трофим затащит с собой в болото. Видишь, вон лапоть торчит?» И действительно, посреди болота что-то возвышалось над топью, похожее на большой ла-

поть. Сколько раз использовали назайкинцы это болото для захоронения опойцев, неизвестно. И в дальнейшем это место так и называлось – Опойцы. В народе бытовало: «Где сено-то косил?» – «В Опойцах», «Куда по грибы ходили?» – «В Опойцы».

Один забавный случай часто пересказывали старожилы села. Было это, скорее всего, после засухи в 1880 году, когда после лютой холодной зимы погибли озимые и яровые хлеба. Или после засухи 1892 года, когда за всю весну и лето не выпало ни капли дождя, озимые погибли от засухи, а яровые даже не взошли, травы тоже высохли. Был страшный голод. Пал скот, погибло много людей.

...Был месяц май, заканчивалась посевная, дождя всё нет и нет. В церкви совершили молебен мученице Прасковье о ниспослании дождя на изнывающую от засухи землю. Потом ещё один молебен на Ильинском роднике. Всё тщетно... На очередном сходе приходской общины кто-то высказал мнение, что надо провести обряд по перезахоронению опойцы и утопленника, что погиб прошлой осенью. Возможно, его мать сыра земля не приняла, вот и прогневалась. Сильно пьяный мужик тогда хотел утолить жажду прямо из речки и каким-то образом захлебнулся. Так и нашли его утром – лежащим на мостике с опущенной в воду головой. Похоронили на сельском кладбище. Сход предложение принял. Вскоре нашлись два добровольца, назовём их Иван и Николай, согласившиеся провести обряд.

Только ночь накрыла своим покрывалом село и его окрестности, улеглись дневные шумы и заботы, Иван и Николай взялись за дело. Работали споро, почти не разговаривая. Вырыли гроб опойцы, положили на телегу. Аккуратно закопали могилу, передохнули и поехали. Иван правил лошадей и сел на гроб спереди, а Николай – сзади, спинами друг к другу. Проехали спящее село. Поднимаясь на низенькую гору, сошли с телеги, поддерживая гроб, – не

дай бог, свалится. Выехали в поле Дул небольшой ветерок, светили ущербная луна. Стояла гробовая тишина. Николай хотел что-то сказать Ивану, повернулся вполборота и замер... Покойник вынул палец из-под крышки гроба и укоризненно грозит: «Ай-я-яй! Мужики, куда вы меня повезли? Николай от испуга чуть не обделался. Усердно перекрестившись, прочитал молитву. Иван, видимо, почувствовал какое-то движение, обернулся, а ему покойник тоже грозит: «Ай-я-яй! Чт вы наделали!» Иван только перхнулся да подстегнул лошадей. Обращиваться боится. Так и ехали, изредка поочередно оглядываясь, читая молитвы. А опойца всё не унимается, укоризненно грозит пальцем. Вот уже и рассвет близок, солнце ещё не показалось над лесом, но уже заметны посветлело. Стали видны в лес отдельные деревья, а не сплошная тёмная масса. Иван, превозмогая страх, оглянулся и... смачно выругался, приговаривая: «Ну, натерпелся я страху, а тут смотри что!» Николай тоже обернулся и увидел, что из доски гроба вывалился сухой сучок и при движении телеги трепыхается – его он и приняли за палец опойцы. Николай даже рассмеялся каким-то неестественным смехом: «Наде же, а я-то чуть в штаны не надевал с испугу!» «А ты что, тоже это видел?» – спросил Иван. «Видел да боялся трусом перед тобой показаться». Успокоившись после ночного происшествия, они завершили дело. Обвязав гроб длинной верёвкой, заволокл его почти на середину болота. Приезде в Назайкино доложил священнику о проделанной работе, умолчав при этом о ночном происшествии. Со временем кто-то из них по пьянке всё-таки проболтался, и этот случай стал достоянием пересудов сельчан.

Дождь пошёл ровно через три дня, утолив жажду полей и лесов, успокоив крестьян и укрепив и веру в силу этого обряда.

Подготовил
Андрей Цухло